

ЭДИТ КЛЮС

Образ Христа у Достоевского и Ницше

<Фрагменты>

<...> И Достоевского и Ницше следует рассматривать как религиозные натуры, неудовлетворенные условной догмой: оба приняли близко к сердцу явную недостаточность традиционной религии и болезненно реагировали на появление метафизического нигилизма как главное последствие развала христианского мироздания. Из всех мыслителей XIX века они пришли к самым пронизательным и плодотворным выводам. В конечном счете каждый по-своему стремился найти ответ на нигилизм. В этом немалую роль играло осмысление образа Христа. <...>

Существенное сходство в литературно-философской личности Достоевского и Ницше состоит в том, что каждого можно рассмотреть как моралиста нового типа. Каждый ставит под вопрос самую традиционно неоспариваемую сферу философии и религии: философию морали. <...> Оба берут как главную тему рассмотрение условных христианских добродетелей (любовь к истине, любовь к ближнему и самоотвержение) и часто приходят к неожиданным выводам. Например, опровержение любви к ближнему в «Так говорил Заратустра» широко известно: искренняя любовь к другому предполагает равенство с этим человеком и даже некоторое чувство соперничества, но чаще всего за так называемой любовью таятся чувства жалости и пренебрежения или к себе или к неравному себе. Достоевский тоже писал всю послекаторжную жизнь (и даже до того, в таких рассказах, как «Хозяйка») о надрывах любви, начиная с отношений подпольного человека с Лизой. С другой стороны, в «Идиоте» изображается самоотверженный, искренне любящий человек, князь Мышкин, и неожиданно губительные результаты его готовности принять на себя всю виновность человечества.

Именно по отношению к ключевому вопросу морали нужно с особой рельефностью выделить основную «романность» Достоевского и «философичность» Ницше. У Достоевского идейно-моральные системы вбираются в роман и раскрываются в межличностной и столь разрозненной сфере диалога. В той или иной степени они находятся в полемике друг с другом внутри каждого персонажа и осуществляются формированием личного идейно-морального образа. О «верности» личного образа очень сложно судить: нет ни совершенно верных, ни совершенно неверных воплощений. <...> Ницше нарочно порывает со стертым стилем академической, научной прозы и с законченной системностью немецкой философской традиции. Он признает своими главными предшественниками таких романистов, как Стендаль и Достоевский. <...>

Замечательным различием между русским писателем и немецким философом справедливо считать верность одного традиционным добродетелям и ниспровержение «древних скрижалей» другим, но оба разделяют основную психологию морали, которая коренным образом расходится с той психологией, на которую опирается условная мораль. Хотя они противоположным образом оценивают существующие моральные ценности, оба мыслителя сходятся на том, как они понимают глубокие цели морального суждения и поведения. Тут категории морали, разработанные Ницше, можно применить и к нравственному мышлению Достоевского. <...>

Образ Христа и в «Братьях Карамазовых», и в поздних произведениях Ницше двойкий и двусмысленный, что опять-таки подчеркивает многоплановость и диалогичность мышления и Достоевского и Ницше. Как историческая личность Иисус Христос изображен и тут и там типом духовно высшего человека, неспособным, однако, осуществить ни историческое, ни личное возрождение человечества. Но как символ морального искания он дает плодотворный импульс личным поискам самопознания и самоопределения. <...>

Самым плодотворным восприятием образа Христа у обоих писателей-мыслителей является заимствование и переосмысление его в рамках современного человека, то ли Алеши, то ли Зосимы, то ли Заратустры, то ли образа нового мессии из второй части «Генеалогии морали». Не существует одного-единственного современного «наследника» Христа: каждый должен по-своему осмыслить Его для самого себя. Все зависит от собственной природы человека, степени его самопознания и умения распознавать надрыв («resentment») и справиться с ним.

У Достоевского и Ницше происходит оформление новой квази-мифической «фабулы», согласно которой человек может прийти к новому жизнеутверждающему сознанию. Оно отличается от традиционных христианских фабул (или формул искупления), например, от житий святых тем, что основывается не на подражании практике Христа, не на жизни по христианским проповедям, а на поисках цельной личности. <...>

Новая жизненная фабула, воплощенная в «Братьях Карамазовых» и в «Так говорил Заратустра», многое, но не все, заимствует из жизни Иисуса Христа. Если Ницше пишет в «Так говорил Заратустра», что Иисус умер слишком рано, а в «Антихристине» подчеркивает, что у Него была болезненно детская психология и Он не был в силах справиться со сложными страстями и порывами взрослого человека, то таким же образом Алеша, как мы его застаем в начале романа, не является образцовым человеком. Он еще не созрел и не узнал себя. В отличие от ницшевского Иисуса, Алешу к самопознанию подготавливают разные люди, в том числе и Зосима. <...>

Итак, сопряжение форм философии и романа открывает новые возможности для восприятия и понимания человеческого бытия. Вместо абстрактной типизации разрабатывается другой вид обобщения: составляется «фабула» пути к цельной личности, при которой частное сочетается с общим и абстрактным. Каждому человеку приходится строить по мере личных возможностей собственную судьбу. Вместо авторитарной речи истина и личная судьба обнаруживаются в межличностной сфере диалога. В конце концов, и у Достоевского, и у Ницше истина — это признание надрыва и преодоление его в диалоге с собой и с другими людьми. <...>

